

Глава 5

Великий раскол

Софья стала регентшей, и ее талант правительницы сразу же подвергся серьезному испытанию. Стрельцы, приведшие ее к власти, теперь дерзко расхаживали по Москве, уверенные в том, что отныне любые их требования будут моментально исполняться. Православные раскольники-староверы ожидали, что победа стрельцов над правительством приведет к возврату прежней веры, возродит исконный чин и обрядность русского богослужения, которые за двадцать лет до этого были осуждены церковью и запрещены мирской властью. Софья, точно так же как ее отец Алексей или брат Федор, смотрела на староверов как на еретиков и мятежников. Однако многие стрельцы, начиная с их нового командующего – князя Ивана Хованского, были завзятыми староверами, и казалось весьма вероятным, что обе эти силы, стрельцы и раскольники, объединятся и станут навязывать свою волю едва встающему на ноги новому режиму.

Софья вышла из создавшегося положения и умело, и мужественно. Она приняла раскольничьих старейшин в Столовой палате Кремлевского дворца, с высоты своего трона сумела их переспорить и перекричать и отпустила – поникших и примолкших. Затем, призывая к себе стрельцов по сто человек сразу, она подкупала их деньгами, обещаниями, вином и пивом, которые собственноручно разносила на серебряном подносе. Так, лаской и лестью, она поколебала в солдатах фанатичную преданность раскольничьему духовенству, и как только стрельцы поуспокоились, Софья приказала схватить старейшин староверов. Одного казнили, других сослали в разные места. Дошла очередь и до князя Хованского: его арестовали, обвинили в неповиновении и отвели на плаху – на все ушло девять недель.

На этот раз Софья восторжествовала, но борьба староверов против духовных и светских властей государства не закончилась и продолжалась не только при Софье и Петре, но до гибели императорской династии в России. Истоки этой борьбы коренились в глубинах народного религиозного сознания, а сама борьба вошла в историю церкви и России как Великий раскол.

По-видимому, христианство в его идеальном выражении особенно созвучно русскому характеру. Русские – чрезвычайно набожный, жалостливый и смиренный народ, отдающий вере преимущество над разумом и убежденный, что жизнью руководят высшие силы – духовные, автократические и даже потусторонние. В России гораздо меньше, чем на практичном Западе, интересуются, отчего происходит то или иное явление, как сделать, чтобы оно повторилось – или не повторилось – вновь. Случаются несчастья, и русские примиряются с ними; издаются законы, и русские им подчиняются. И эта покорность совсем не тупая, а скорее проистекающая от сознания неизбежности естественного хода жизни. Русские склонны к созерцанию, мистике, мечтательности. Из своих наблюдений и размышлений они вывели такое понимание страдания и смерти, которое придает жизни смысл, близкий по содержанию учению Христа.

Во времена Петра внешняя сторона поведения верующих в России подчинялась правилам настолько же сложным и суровым, насколько проста и глубока была их вера. Православный календарь переполняли обязательные для соблюдения дни памяти святых, бесчисленные требы и посты. Люди молились, без конца крестясь и преклоняя колени перед церковными алтарями и перед иконами, которые у каждого висели дома в углу. Прежде чем лечь в постель с женщиной, православный снимал с ее шеи крест и занавешивал все иконы в комнате. Даже зимой супружеская пара после интимной близости не могла отправиться в церковь, не сходяв сначала в баню. Воры, перед тем как украсть, били поклоны перед иконами и просили прощения и святого покровительства. В подобных делах не было места недосмотру или ошибке, ибо речь шла о вещах поважнее всего, что могло произойти в земной жизни, – ведь от тщательного соблюдения обрядов зависело спасение души.

За двести лет монгольского ига церковь стала средоточием русской духовной жизни и культуры. В городах и деревнях кипела насыщенная религиозная жизнь, основывались

многочисленные монастыри, особенно в далеких северных лесах. Всему этому нисколько не препятствовали монгольские ханы, которых совершенно не заботило вероисповедание населения зависимых государств, если дани и подати исправно поступали в Золотую Орду. В 1589 году была впервые учреждена Московская патриархия, чем ознаменовалось окончательное освобождение Руси от духовного верховенства Константинополя²⁶.

Москва и Россия добились независимости – и вместе с ней изоляции. Окруженная с севера шведскими лютеранами, с запада польскими католиками, с юга мусульманами – турками и татарами, Русская церковь заняла оборонительную позицию консервативного отторжения всего идущего из-за границы. Любые перемены сделались ненавистными, огромные силы уходили на борьбу с проникновением иноземного влияния и еретических идей. Пока Европа двигалась путем Реформации и Возрождения к Просвещению, Россия и ее церковь блюли чистоту, окостенев в своем средневековом прошлом.

К середине XVII века лет за двадцать до рождения Петра, культурная отсталость стала слишком очевидной, она тяжело сказывалась на русском обществе. Тогда, несмотря на возражения церкви, в России появились иностранцы и с ними – новые технические приемы, новые взгляды на военное и инженерное дело, торговлю, искусство. Как неизбежное следствие, понемногу начали проникать и другие принципы и представления о мире. Русская церковь, подозрительная и настороженная, встречала любые новшества такой отчаянной враждебностью, что напуганные иностранцы вынуждены были искать защиты у царя. Однако брожение умов уже не прекращалось. Вскоре сами русские, не исключая и некоторых церковников, начали более пристально всматриваться в православие и даже кое в чем сомневаться. Возникли разногласия как внутри церкви, так и между церковью и верховной властью в лице царя. Сам по себе каждый из этих конфликтов был бедствием для церкви, а вместе они привели к катастрофе – Великому расколу, от которого Русская православная церковь так никогда и не оправилась.

* * *

На уровне человеческих отношений этот конфликт выразился в драматическом трехстороннем столкновении между царем Алексеем и двумя выдающимися отцами церкви: непреклонным патриархом Никоном и фанатичным приверженцем исконного православия протопопом Аввакумом. При этом, как ни странно, Алексей был самым благочестивым государем во всей истории: он уступил церковному деятелю – Никону – больше власти, чем любой из его предшественников или преемников. И все же к концу его правления Русская церковь оказалась безнадежно разделена и ослаблена, а Никон, закованный в цепи, томился в холодной каменной темнице. Еще удивительнее противостояние Никона и Аввакума. Оба они были простые русские люди родом из северных краев²⁷. Оба быстро поднялись по ступеням церковной иерархии, приехали в Москву в сороковых годах XVII века и стали друзьями. Каждый считал величайшей целью своей жизни очищение Русской церкви. Однако в понимании того, что есть чистота, они резко разошлись, причем каждый был страстно убежден в своей правоте. Подобно грозным пророкам, два великих соперника принялись метать друг в друга громы и молнии. А потом, почти одновременно, оба пали перед окрепшей мощью самодержавия. В ссылке каждый по-прежнему считал себя преданнейшим слугой Христа, у обоих бывали видения, оба творили чудесные исцеления. Один умер на костре, другого смерть настигла на обочине пустынной дороги.

²⁶ Константинополь пал под натиском турок в 1453 г. Русская же православная церковь получила фактическую самостоятельность задолго до этого события. – *Примеч. ред.*

²⁷ Аввакум родился в 1620 или 1621 г. в селе Григорово под Нижним Новгородом. Судьбе было угодно, чтобы его заклятый враг Никон (Никита Минин) родился в 1605 г. в мордовском селе Вельдеманове, что в 15 верстах от русского села Григорово. – *Примеч. ред.*

Никон – высокий, словно топором вырубленный крестьянский сын, родом из северо-восточного Заволжья. Первоначально он был посвящен в духовный сан «белого», живущего в миру священника, женился, но затем расстался с женой и стал монахом. Вскоре после своего прибытия в Москву на пост архимандрита, или настоятеля, Новоспасского монастыря этот монах шести футов и пяти дюймов ростом²⁸ был представлен юному царю Алексею. Духовная мощь и представительная внешность Никона произвели на Алексея такое неизгладимое впечатление, что он взял себе за правило раз в неделю, по пятницам, беседовать с Никоном. В 1649 году Никон был поставлен на Новгородскую митрополию, то есть возглавил одну из самых древних и крупных епархий России, а когда в 1652 году умер тогдашний патриарх, Алексей попросил Никона принять патриарший престол.

Никон отказывался до тех пор, пока двадцатитрехлетний царь не пал на колени и не взмолился слезно, а тогда согласился с двумя условиями: чтобы Алексей слушался его «как начальника, и пастыря, и отца краснейшего» и чтобы поддерживал его деятельность, направленную на глубокое преобразование Русской православной церкви. Алексей поклялся все выполнять, и Никон принял патриарший престол с намерением осуществить обширную программу реформ. Он задумал отвадить церковников от пристрастия к водке и от других пороков, добиться верховенства церкви над государством, а затем, поведя за собой эту, уже очищенную и могущественную, Русскую церковь, установить ее главенство над всем православным миром. Для начала он попытался изменить церковную литургию и ритуал, следуя которым ежедневно молились миллионы русских людей, очистить все священные книги и требники от многочисленных искажений, переделок и просто ошибок, которые вкрались в тексты за сотни лет, и привести их в соответствие с греческими канонами. Старые полные искажений книги подлежали уничтожению.

Перемены в практике богослужения вызвали бурное недовольство. Благочестивые россияне почитали основополагающими такие церковные обычаи и отряды, как двоение возгласа «аллилуйя» в разные моменты церковной службы, служение литургии на семи, а не на пяти просфорах, написание имени Христа (Исус, а не Иисус), а главное, двуперстное крестное знамение – символ двойственной природы Христа, тогда как в соответствии с новыми указаниями полагалось складывать три пальца, символизируя Троицу. Если человек был убежден, что земная жизнь есть лишь подготовка к переселению в рай или в ад и что спасение души зависит от тщательного соблюдения церковной обрядности, то решение, как именно надо креститься, для него было равнозначно выбору между вечным небесным блаженством и адским пламенем. Кроме того, приверженное старине духовенство вопрошало: чего ради нужно предпочесть порядки и формулировки греческой церкви в ущерб уже сложившимся в русской? Разве не Москва сменила Константинополь в роли Третьего Рима, разве не русское православие представляет собой истинную веру? Так с какой стати кланяться грекам в вопросах обрядности, догматики или чего-либо другого?

В 1655 году Никон нашел поддержку своим начинаниям за пределами России. Он пригласил в Москву Макария, патриарха Антиохийского, и сирийский церковник отправился в дальний путь, взяв с собой своего сына и секретаря, Павла Алеппского. Павел вел путевой дневник, в котором мы находим массу личных впечатлений автора об Алексее и Никоне²⁹.

²⁸ То есть около 196 см.

²⁹ Путевой журнал Павла Алеппского, «Путешествия Макария», представляет собой невыразимо горестное собрание жалоб, сетований, стенаний, нытья и хныканья по поводу трудностей жизни в России XVII в.

Всего страшнее оказались для гостей отсутствие комфорта в русских церквях и продолжительность богослужений, на которых обоим сирийцам, как приглашенным экспертам по религиозным вопросам, полагалось присутствовать. «Ни в одной церкви нет сидений, – жаловался Павел, – буквально ни единого, даже для епископа. Люди стоят, будто к месту приросли, в продолжение всей службы – кто совершенно неподвижно, кто непрестанно склоняясь в молитве. Видит Бог, сколь длинны их молитвы, песнопения и богослужения... Привычка сделала их нечувствительными к усталости... Мы же всякий раз, простояв столько времени на ногах, едва ковыляли прочь из церкви... Несколько дней потом мы не могли прийти в себя от боли в спине и ногах... Мы страдали от ужасного холода, который мог нас и убить, ведь приходилось стоять на железном полу.

Они прибыли в январе 1655 года, и их приветствовал величественный патриарх Русской церкви Никон, «одетый в зеленую бархатную мантию с красным узором, в центре которого помещались шитые золотом и жемчугом херувимы. На голове у него было белое покрывало, увенчанное золотым обручем, к которому был прикреплен крест из драгоценных камней и жемчуга. Надо лбом вышиты жемчужные херувимы, а края покрывала оторочены золотым кружевом и унизаны жемчугом».

С самого начала путешественников столь же поразили набожность, кротость и почтительность молодого царя, сколь и властное величие русского патриарха. По собственному почину Алексей «взял себе за правило пешком являться на праздники всех главных святых в посвященных им церквях, воздерживаясь от езды в экипаже. Он простаивает всю службу от начала до конца, обнажив голову, без конца бьет поклоны, ударяется лбом оземь, рыдая и сокрушаясь перед иконой святого, и все это на глазах собравшихся». Однажды Алексей сопровождал Макария в поездке в монастырь в тридцати милях от Москвы, и там «государь взял нашего господина [Макария] за руку и отвел в богадельню, чтобы он мог благословить парализованных и больных и помолиться за них. Войдя туда, некоторые из нас не смогли оставаться в помещении из-за отвратительного запаха гниения и невыносимого зрелища людских страданий. Но государь думал лишь о том, чтобы наш господин помолился и благословил больных. Патриарх шел, благословляя каждого, а царь следовал за ним и всех подряд целовал в лоб, губы, руки. Поистине удивительны были для нас такие святость и смирение, ведь сами мы только и мечтали поскорее оттуда выбраться».

В вопросе об изменениях в ритуале церковной службы, так взволновавшем Русскую церковь, Макарий твердо встал на сторону Никона. На заседании собора, созванного на пятой неделе Великого поста 1655 года, Никон перечислял собратьям-священнослужителям недостатки действующего ритуала, то и дело обращаясь к Макарию за подтверждением своей правоты. Макарий его неизменно поддерживал, так что церковники, что бы они ни думали на самом деле, все же не осмелились возражать.

* * *

Подобно другим князьям церкви – а именно таким стало теперь его положение – Никон был великим строителем. Будучи митрополитом Новгородским, он основывал и перестраивал монастыри по всей этой обширной северной епархии. В Москве из камня и черепицы, пожалованных государем, он возвел в Кремле великолепный новый патриарший дворец. Там было семь залов, широкие балконы, огромные окна, удобные покои, три домовые церкви и богатая библиотека, составленная из книг на русском, церковнославянском, польском и других языках. В одном из залов Никон обедал на возвышении, окруженном столами пониже, предназначенными для прочего духовенства, точно так же, как совсем неподалеку, в обществе своих бояр, обедал царь.

Самым большим из построенных Никоном архитектурных памятников был громадный Воскресенский монастырь на реке Истре в тридцати милях от Москвы, известный как Новый Иерусалим. Патриарх старался добиться точных соответствий: монастырь стоял на холме, нареченном Голгофой, прилегающий отрезок реки переименовали в Иордан, а главный собор монастыря воспроизводил храм Воскресения в Иерусалиме, где находится Гроб Господень. На сооружение собора с куполом высотой 187 футов, с двадцатью семью притворами,

Удивительнее всего было видеть, как отроки и малые дети, сыновья высших государственных сановников, часами стоят с непокрытой головой, ни одним движением не выдавая своего нетерпения». На одной из служб оглашали имена всех солдат, погибших на войне с поляками за последние два года. «Архидьякон читал очень медленно, с расстановкой, а хор не переставая тянул вечную память. Мы едва удерживались на совершенно застывших ногах».

Вот к какому заключению приходит Павел: «Если кто-то желает укоротить свою жизнь лет на пять или десять, пусть отправится в Московию в качестве религиозного деятеля».

колокольной, высокими кирпичными стенами, золочеными воротами и с дюжинами других построек Никон не пожалел средств, стремясь языком архитектуры утвердить ту же идею, которую провозглашал и утверждал и всеми другими способами: Новому Иерусалиму воистину быть в Москве! Никон с неумолимой суровостью внедрял дисциплину среди мирян и духовенства. В попытке навести порядок в повседневной жизни простых людей он запретил им ругаться, играть в карты, предаваться разврату и пьянству. Далее, он настаивал на том, чтобы каждый православный проводил по четыре часа в день в церкви. Он был непреклонен в отношении церковников, сошедших с праведной стези. Павел Алеппский сообщал: «Янычары Никона постоянно рыщут по городу, и как только находят пьяного священника или монаха, тут же тащат в тюрьму. Эта тюрьма полна узников в самом жалком положении, чьи шеи и ноги стерты в кровь тяжелыми цепями и деревянными колодками. Если кто-либо из высшего духовенства или какой-нибудь настоятель монастыря совершает проступок, его заковывают в кандалы и заставляют день и ночь просеивать муку для пекарни, пока не истечет срок наказания. Если прежде сибирские монастыри пустовали, то теперь патриарх заполнил их настоятелями и высшими церковными иерархами вместе с беспутными, негодными монахами. Недавно патриарх дошел до того, что лишил сана настоятеля Свято-Троицкого монастыря, невзирая на то что тот был третьим сановником государства после царя и патриарха. Его послали молотить зерно в Севском монастыре за то, что он брал подношения от богатых людей. Все боятся суровости патриарха Никона, и слово его – закон».

Шесть лет подряд Никон вел себя так, словно именно он был настоящий правитель России. Он не только носил, наравне с царем, титул «великого государя», но нередко осуществлял управление в сфере чисто мирской. Когда Алексей во время польской кампании покинул Москву³⁰, он оставил Никона правителем, приказав, чтобы «ни одно дело, великое или малое, не решалось без его совета». Приобретя такое могущество, Никон делал все возможное, чтобы возвеличить церковь за счет государства. В Кремле он держался царственнее, чем сам царь; не только духовенство и простой народ, но и высшая знать России оказались под его властью.

Павел Алеппский описывал высокомерное обращение Никона с боярами Алексея: «Мы заметили, что, когда Дума собиралась в палате заседаний и раздавался звук патриаршего колокола, приглашавший их пройти в его дворец, опоздавших сановников заставляли ждать за дверью на страшном морозе, пока Никон не прикажет их впустить. Когда им наконец позволялось войти, патриарх тотчас обращался к образам, а все чины государства кланялись до земли, обнажив головы. Они так и оставались с непокрытой головой, пока он не покидал палату. По любому поводу у него было свое мнение, и он всем и каждому указывал, как следует поступить». В сущности говоря, заключал Павел, «сановники не испытывают особого страха перед царем, скорее они боятся патриарха, и во много раз сильнее».

Некоторое время Никон властвовал беспрепятственно, и стало казаться, что он не просто осуществлял управление, а завладел и самой властью. Но думать так значило совершать роковую ошибку: подлинная власть по-прежнему оставалась в руках царя. Пока патриарх сохранял царскую привязанность и поддержку, никто не мог устоять перед ним. Но враги его продолжали множиться, как снежная лавина, и не жалели сил, чтобы возбудить в царе подозрительность и недоверие к Никону.

Со временем появлялось все больше примет усилившихся разногласий между Никоном и Алексеем. Как раз когда Макарий с Павлом покидали Москву, чтобы возвратиться в Антиохию, их догнал царский гонец с призывом вернуться. На обратном пути им повстречалась группа греческих купцов, которые рассказали, что в Страстную пятницу царь принародно поспорил с патриархом в церкви из-за какой-то мелочи в обряде. Алексей в гневе назвал патриарха «шутком гороховым», на что Никон резко отвечал: «Я твой духовный

³⁰ Речь идет о Русско-польской войне 1654–1667 гг. Царь Алексей выезжал из Москвы в район военных действий весной 1656 г. – *Примеч. ред.*

отец, как смеешь поносить меня?» «Не ты мой духовный отец, а святейший патриарх Антиохийский, и я пошлю людей воротить его», – парировал царь. Макарий вернулся в Москву и сумел на время их примирить.

Однако к лету 1658 года позиции Никона серьезно ослабли. Когда царь начал пренебрегать им, Никон попытался припугнуть Алексея. Как-то после службы в Успенском соборе он оделся простым монахом и удалился из Москвы в Новый Иерусалим, заявив, что останется там, покуда царь не вернет ему своего доверия. Но он просчитался. Царь, теперь уже зрелый двадцатидевятилетний человек, был вовсе не прочь избавиться от властного патриарха. Он не только предоставил изумленному Никону два года тщетно ждать в монастыре, но созвал церковный собор, чтобы обвинить патриарха в том, что он «самовольно покинул Высочайший Великорусский патриарший престол, оставив без надзора свою паству, и тем вызвал всеобщее смятение и непрестанные раздоры». В октябре 1660 года собор постановил, что «поведение патриарха равносильно полному отречению, а потому он более патриархом не является». Никон отказался признать решение собора, обильно уснастив свое опровержение цитатами из Священного Писания. Обвинения, предъявленные Никону, и его ответ Алексей отослал четверым православным патриархам – в Иерусалим, Константинополь, Антиохию и Александрию – и умолял их приехать в Москву, чтобы «рассмотреть и утвердить решение по делу бывшего патриарха Никона, который использовал во вред высшую патриаршую власть». Двое из патриархов, Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский, согласились приехать, хотя прибыли лишь в 1666 году. В декабре был созван Большой церковный собор для суда над Никонем, в котором двое иноземных патриархов председательствовали над собранием тринадцати митрополитов, девяти архиепископов, пяти епископов и тридцати двух архимандритов.

Суд происходил в палате нового Патриаршего дворца, построенного Никонем в Кремле. Никона обвинили в возвышении церкви над государством, в незаконном смещении епископов, в том, что, «самовольно покинув свой престол, он обрек церковь на девятилетнее вдовство». Защищаясь, Никон утверждал, что его престол выше цесарского: «Хочеши ли навикнути, яко священство и самого царства честнейший и больший есть начальство... царие помазуются от священническую руку, а не священники от царские руки... Царь здешним вверен есть, а аз небесным... священство боле есть царства: священство от Бога есть, от священства же царстви помазуются. Сего ради яснейше: царь имать быти менее архиерея и ему в повиновении». Однако собор не согласился с ним и восстановил традиционное соотношение сил между церковью и государством: царь является высшим авторитетом для всех своих подданных, не исключая и духовенство во главе с патриархом. В ведении церкви остаются только вопросы церковной доктрины. Одновременно собор поддержал и утвердил введенные Никонем изменения в чине богослужения.

Самого Никона приговорили к ссылке. До конца своих дней он жил монахом в отдаленном монастыре, в крохотной келье, куда вела винтовая лестница, такая узкая, что человек едва мог протиснуться. Умерщвляя плоть, он спал на гранитной плите, покрытой камышовой циновкой, и носил тяжелые вериги.

Со временем гнев Алексея утих. Он, правда, не отменил решения собора, но писал Никону, прося благословения, посылал гостинцы, а когда родился Петр, пожаловал ему от имени новорожденного соболью шубу. Последние годы Никон посвятил целительству. Рассказывают, будто он всего за три года совершил 132 чудесных исцеления. После смерти Алексея юный царь Федор пытался подружиться с Никонем, а когда в 1681 году стало известно, что престарелый монах умирает, Федор даровал ему частичное прощение и разрешил вернуться в Новоиерусалимский монастырь. Никон тихо скончался в дороге в августе 1681 года. Позже Федор сумел получить от четырех восточных патриархов письменные свидетельства посмертного восстановления его в правах, и в смерти Никон вновь обрел сан патриарха.

Деятельность Никона, направленная на усиление роли церкви, привела к прямо противоположным результатам. Никогда больше в руках патриарха уже не

сосредотачивалась подобная власть; Русская церковь с тех пор всегда находилась в явном подчинении государству. Преемник Никона, новый патриарх Иоаким, хорошо понимал, какая роль ему отведена, когда обращался к царю со словами: «Государь, я не знаю ни старой, ни новой веры, но готов следовать и почтительно подчиняться любым царским указам».

* * *

Никона сместили, но религиозный переворот в России, которому он дал толчок, уже начался. Тот самый собор, который осудил патриарха за попытку поставить церковную власть выше светской, утвердил введенные Никоном изменения в чине богослужения. Стон отчаяния пронесся над Россией, когда об этом решении узнало низшее духовенство и простой народ. Люди, бережно лелеявшие старинные обычаи своих предков, приученные думать, что их вера – единственно истинная и чистая на свете, отказывались принимать перемены. В старых обрядах был ключ к спасению, и они предпочитали претерпеть любое страдание в земной жизни, чем обречь бессмертную душу на вечные муки. К тому же они не сомневались, что все эти новшества в богослужении – дело рук проклятых иноземцев. Не сам ли Никон признавался и даже открыто провозглашал: «Я русский, сын русского, но моя вера и мои убеждения греческие»? Иноземцы и так уже вовсю внедряли в России дьявольские изобретения – табак («колдовское зелье»), изобразительное искусство, инструментальную музыку³¹. А теперь, сделавшись еще более дерзкими и зловредными, чем когда-либо, они вознамерились изнутри подорвать Русскую церковь. Рассказывали, что Никонов Новоиерусалимский монастырь полон мусульман, католиков и евреев, переиначивающих на свой лад русские священные книги. Говорили даже, будто Никон (по другим версиям – сам Алексей) и есть Антихрист, чье царствование предвещает конец света. В сущности, тот идеал веры, к которому стремились эти люди, проповедовал в старину один священник-ортодокс: «О простодушная, невежественная, смиренная Русь! Храни верность своим простым, наивным убеждениям, и тем обретешь жизнь вечную». В минуту, когда их вера оказалась под угрозой, благочестивые русские верующие возопили: «Верните нам нашего Господа!»

Итогом попыток Никона реформировать церковь стало, уже после смерти самого патриарха, мощное религиозное восстание. Тысячи людей, отказавшихся принимать реформы, получили имя староверов, или раскольников. Поскольку государство поддерживало церковные реформы, то выступления против церкви переросли в бунт против правительства – староверы отказывались признавать обе власти. Ни уговоры духовенства, ни жестокие правительственные меры не могли их переубедить.

Чтобы избежать власти Антихриста и преследований государства, староверы целыми деревнями подавались на Волгу, Дон, на Белое море, за Урал. Здесь, в дремучих лесах, по берегам далеких рек, они основывали новые поселения и терпели все тяготы, выпадающие на долю первопроходцев. Тех, кто убегал недостаточно далеко, настигали солдаты. Но староверы были готовы скорее заживо гореть в очищающем пламени, чем отречься от завещанного отцами обряда богомолчества. Даже малые дети говорили: «Нас сожгут на костре, зато на небе у нас будут красные сапожки и рубашечки, вышитые золотыми нитками. Нам будут давать меда, орехов и яблок сколько захотим. Мы не станем кланяться Антихристу». Иногда староверы, измученные преследованиями, забивались всей общиной – мужчины, женщины, дети – в деревянную церковь, закладывали изнутри дверь и, под пение старинных гимнов, поджигали здание и сгорали вместе с ним. На дальнем Севере монахи влиятельного Соловецкого монастыря склонили солдат размещенного там гарнизона

³¹ Еще в 1649 г., во время бунта против иноземного влияния, толпа разыскала и сожгла шесть повозок с музыкальными инструментами. Так что этот предрассудок был не нов и сохранялся в неизменном виде. Русская православная церковь, убежденная, что лишь человеческий голос достоин восхвалять Господа, до сих пор не допускает инструментальной музыки в богослужении, благодаря чему и возникли великолепные православные хоры – капеллы.

постоять за старую веру (убедить солдат помог, в частности, Никонов запрет на водку). Объединившись, монахи и солдаты целых восемь лет выдерживали осаду, отражая все силы, какие только могло бросить против них московское правительство.

Самой яркой и внушительной фигурой среди староверов был протопоп Аввакум. Наделенный пылкой и фанатичной душой, он обладал и физической стойкостью, которая помогала ему соблюдать его суровую веру. В своем «Житии» он писал: «Прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии [разврату] всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в тот час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен». Аввакум был самым ярким писателем и оратором своего времени (когда он проповедовал в Москве, люди сбегались толпами, чтобы подивиться его красноречию) и – среди представителей высшего духовенства – самым непримиримым противником реформ Никона. Он сурово порицал все перемены и любые компромиссы и поносил Никона как еретика и орудие дьявола. Негодуя на такие нововведения, как реалистическое изображение Святого семейства на недавно написанных иконах, он гремел: «...пишут Спасов образ Еммануила, лице одутловато, уста чернованная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедра толстые и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишю сабли той при бедре не писано... А все то кобель борзой Никон, враг, умыслил».

В 1653 году Никон сослал своего бывшего друга Аввакума в Сибирь, в Тобольск. Через девять лет, когда уже сам патриарх впал в немилость, влиятельные московские друзья Аввакума уговорили царя вернуть протопопа и снова сделать настоятелем одного из кремлевских храмов. Некоторое время Алексей был усердным и почтительным членом паствы Аввакума и даже отзывался о нем как об «ангеле Божьем». Но оголтелая приверженность Аввакума старым принципам нет-нет да и прорывалась. Он задиристо провозгласил, что новорожденному младенцу больше известно о Боге, чем всем греческим церковным мудрецам, вместе взятым, и что для спасения души тем людям, кто согласился с еретическими новшествами Никона, следует заново принять крещение. Подобные выходки привели его ко второй ссылке, на сей раз в Пустозерск, на берег Ледовитого океана. Но и из этих отдаленных мест Аввакум умудрялся руководить староверами. Лишенный возможности проповедовать, он писал своим последователям красноречивые послания, увещевая их хранить старую веру, не идти ни на какие сделки, не склоняться перед своими гонителями и, по примеру Христа, как благо принимать страдания и мученическую смерть. «И сожегши свое тело, – говорил он, – душа же в руце Божий предаша... Так беги же и прыгни в пламя! Скажи: „Вот мое тело, дьявол! Возьми и пожри его. Души моей ты не получишь!“»

Последний вызов, брошенный Аввакумом, обеспечил ему самому именно этот пламенный удел. Из ссылки он написал юному царю Федору, будто ему явился Христос и открыл, что покойный отец Федора, царь Алексей, пребывает в аду и терпит там страшные муки за то, что одобрял реформы Никона. В ответ Федор приговорил Аввакума к сожжению заживо. В апреле 1682 года Аввакум принял столь желанную для него мученическую смерть у столба на торговой площади в Пустозерске. В последний раз перекрестившись двоеперстием, он радостно прокричал толпе: «Столб страшен, пока тебя к нему не привяжут, но коли ты уже там, обними его, и все забудешь! Ты узришь Христа, прежде чем жар охватит тебя, и душа твоя, освобожденная из темницы тела, воспарит на небеса счастливой пташкой».

Пример Аввакумовой смерти вдохновил тысячи его приверженцев по всей России. За шесть лет, между 1684 и 1690 годами, двадцать тысяч староверов добровольно пошли в огонь, лишь бы не поклоняться антихристу. Надо сказать, Софья не хуже Алексея или Федора вписывалась в этот образ и даже была еще суровее к раскольникам, чем ее отец и брат. Воеводам было приказано выделять столько войск, сколько будет надобно, чтобы

помочь местным митрополитам внедрить официальную религию. Всякого, кто не ходил в церковь, подвергали допросу, а заподозренных в ереси пытали. Тех, кто укрывал у себя раскольников, лишали имущества и ссылали. Но, невзирая на пытки, ссылки и костры, старая вера была крепка.

Не все староверы покорились своим гонителям или взошли на костры. Те из них, что укрылись в северных лесах, устраивали там жизнь по-новому, и в этом чем-то напоминали протестантских сектантов, приблизительно тогда же покидавших Европу, чтобы основать религиозные общины в Новой Англии. Опираясь лишь на собственные силы, староверы создавали поселения землепашцев и рыболовов, закладывали основы будущего процветания. Поколение их детей, уже в петровское время, славилось трезвостью и усердием в работе. Петр, высоко ценивший такие качества, приказал своим чиновникам оставить староверов в покое.

В конечном счете от раскола больше всего пострадала официальная церковь. Реформы, которые, по замыслу Никона, должны были очистить церковь и подготовить ее к ведущей роли в православном мире, вместо этого ослабили ее. Двое непримиримых соперников, Никон и Аввакум, и два крыла, реформаторы и староверы, боролись друг с другом до полного изнеможения, что обескровило церковь, отвратило от нее самых рьяных ее сторонников и навек оставило ее под пятой светской власти. Когда воцарился Петр, его взгляды на церковь во многом напоминали отношение к ней Никона – этот разложившийся, вялый организм следовало энергично очищать от порчи, невежества, предрассудков. Берясь за это дело (и покончив с ним незадолго до конца своего царствования), Петр имел два огромных преимущества перед Никоном: он обладал большей властью и не обязан был ни у кого испрашивать одобрения. Но, несмотря на это, Петр ставил более скромные задачи, чем Никон. Он никогда, в отличие от Никона, не вмешивался в вопросы обрядности, ритуала богослужения, вероучения. Петр поддерживал авторитет официальной церкви как силы, противостоящей раскольникам, но религиозного раскола он не углубил. Он произвел раскол в других сферах российской жизни.